

Роскошный дворец Чжици утопал в великолепии: слуги, заполнившие покои принцессы, суетились с подносами, уставленными золотыми и нефритовыми украшениями, отчего само пространство, казалось, сияло драгоценным светом.

На столах были разложены дары, присланные в этом году государством Наньюэ. Будучи вассалом династии Да Ли, Наньюэ ежегодно в начале седьмого месяца направляло послов с бесчисленными сокровищами, серебром, а также прекрасными красавицами и рабами-мужчинами.

Красавиц чаще всего отправляли в поместья столичной знати, а рабов-мужчин, если те не становились евнухами в гареме, ждала участь живых мишеней для тренировок молодых дворян. Остальные предметы роскоши, как правило, распределялись между обитательницами императорского дворца.

Благодаря особому благоволению императора и вдовствующей императрицы, тончайшие шелка, парчу и изысканные украшения из этого подношения первой выбирала Нин Фу — самая младшая, Пятая принцесса династии Да Ли.

Такой порядок установился давно, и со временем никто уже не обращал внимания на то, что распределение даров должно было идти строго по старшинству. Все постепенно привыкли к негласной истине: принцесса Нин Фу — первая в очереди.

Во дворце Чжици, за ширмой из резного нефрита и сандалового дерева, раздался ленивый, мягкий голос:

— Оставьте только то, что впереди, а остальное разошлите по дворцам, пусть сестры сами выберут, что им приглянется.

Сказав это, Нин Фу вдруг о чем-то вспомнила. Она поспешно отложила деревянный гребень с разноцветными кисточками, приоткрыла пухлые губы и добавила:

— Ах да, старшая сестра уехала с бабушкой в храм Чаньсюй и вряд ли скоро вернется. Я заберу её долю для неё.

В гареме Да Ли Нин Фу, будучи любимой дочерью императора и императрицы, обладала высшим статусом и всеобщим почтением. Она со всеми сестрами ладила хорошо, но особенно нежно относилась к старшей сестре Нин Цюй. Ей не хотелось, чтобы та, вернувшись из храма, обнаружила, что ей достались лишь остатки даров.

Нин Фу поднялась, придерживая подол платья, и опустила прекрасные глаза на подносы из грушевого дерева.

— Старшая сестра всегда любила светлые тона, так что оставьте те два рулона шелка — цвета белого горного ямса и зеленого молодого бамбука. Что до украшений, все они кажутся мне одинаковыми, пожалуй, оставлю себе только эту позолоченную шпильку с жемчугом и перьями иволги, что лежит у А Сю.

Нин Фу вернулась к туалетному столику. Цю Куй, у которой были самые ловкие руки, привычно взяла на себя прическу. Она опустилась на колени перед принцессой, и, услышав её слова, подняла глаза:

— Еще бы, принцесса. Вы ведь еще вчера жаловались нам, что в гареме скучно, и сожалели, что не поехали в храм Чаньсуй вместе с вдовствующей императрицей.

Дун Мэй и Цю Куй переглянулись и улыбнулись, поспешно признавая свою вину. Принцесса была щедра: те безделушки, что она небрежно дарила слугам, порой вызывали зависть даже у наложниц невысокого ранга.

Пятая принцесса обладала неземной красотой, равной которой не было во всей стране. Сейчас, когда час Дракона только миновал, Нин Фу проснулась лишь ради получения даров. Она то и дело прикрывала рот рукой, подавляя зевок, но звонкий смех служанок окончательно разогнал остатки сна.

— Ладно, утро еще раннее, мы даже не завтракали, а у вас полно сил болтать, — Нин Фу посмотрела в зеркало на уложенные волосы, довольно наклонила голову, поправляя жемчужный цветок на виске. — Довольно, ценю твое мастерство, Дун Мэй, ты старалась. Позже выбери себе что-нибудь из подношений Наньюэ.

Служанки поспешно опустили на колени, благодаря госпожу. Нин Фу отвела взгляд, и её мысли переключились на другое: вспомнив о дарах, она вспомнила и о слухах.

— Кстати, я слышала, что среди послов Наньюэ приехала некая принцесса. Говорят, характер у неё властный, едва въехав в город, она сцепилась с Се Яньшэн. Ни одна не хотела уступать, и, чтобы не затягивать дела, они договорились сразиться в поединке. Это правда?

Дун Мэй ответила первой:

— Се Яньшэн — подруга детства Вашего Высочества, естественно, что вы волнуетесь. Но род Се — славный воинский клан, опора нашего Да Ли. Госпожа Се сама прекрасно владеет мечом, её мастерство ничуть не уступает мастерству отца или братьев. Принцесса может не беспокоиться, эта принцесса Наньюэ — лишь посланница слабого государства, она не представляет угрозы.

Нин Фу поднялась, размышляя. Когда она вышла из-за ширмы, её темные, как водопад, волосы плавно скользили по синему плиссированному платью, словно ивы, колеблемые ветром у воды. Несмотря на то, что она не была накрашена, её естественная красота могла затмить и цветы, и луну.

Дун Мэй, убрав дары, подошла к ней и добавила:

— Принцесса, вы, должно быть, просто беспокоитесь о старшей сестре?

— Это правда, — Нин Фу усмехнулась. — Но храм — место тихое, если пробыть там слишком долго, наша принцесса со скуки умрет.

Цю Куй, стоявшая рядом, взволнованно подхватила:

— Да-да, поединок на военном полигоне за городом! Будет очень оживленно!

Однако лицо Нин Фу вовсе не было спокойным. Служанки не знали, что полмесяца назад Се Яньшэн, подавляя восстание разбойников в горах Суншань, была ранена арбалетным болтом. Все думали, что она поправилась, но только Нин Фу знала: наконечник был отравлен, и плечо подруги всё еще не зажило.

Наньюэ годами терпело гнет, принцесса Наньюэ явно приехала с дурными намерениями. Как Се Яньшэн сражаться в таком состоянии? Нин Фу не могла оставаться в стороне.

— Не болтайте об этом, — приказала она. — Разузнайте, когда именно состоится поединок.

Дун Мэй и Цю Куй, знавшие принцессу с детства, сразу поняли, что та задумала побег из дворца.

— Ваше Высочество — золотая веточка, драгоценное дитя, как вам можно ступать на захудалый военный полигон? Это не по правилам! К тому же там содержат рабов из Наньюэ, они еще не укрощены, там опасно и грязно.

Нин Фу, однако, была непреклонна.

— Переоденусь мужчиной, — отрезала она. — Попрошу Второго брата помочь, проскользнем, когда стража у ворот Уин будет меняться.

Дун Мэй и Цю Куй переглянулись с сомнением. Разве можно скрыть такую ослепительную красоту? Даже если перетянуть грудь и стереть румяна, нежная женственность всё равно будет проглядывать сквозь любую маскировку. Но так как император и наследный принц вечно потакали любым прихотям принцессы, приказывая охране закрывать глаза на её вылазки, она была уверена в своем мастерстве перевоплощения.

Служанки не осмелились больше спорить, надеясь лишь на то, что в присутствии наследного принца принцесса избежит неприятностей.

Семь дней спустя Нин Фу добилась своего. Одетую в простой серый мужской халат и шапочку, её посадили в карету, и она вместе с принцем Нин Цзэ отправилась на полигон.

В карете Нин Фу, помолчав, повернулась к брату:

— Второй брат, я думала, придется долго тебя уговаривать, а ты согласился так быстро.

Нин Цзэ, не меняясь в лице, ответил:

— Всё равно тебя не остановить, зачем тратить силы?

— Вот как? — Нин Фу лукаво улыбнулась. — А я-то думала, ты так же беспокоишься о Се Яньшэн, как и я.

Брат нахмурился, в его глазах мелькнуло что-то странное, но он тут же принял строгий вид:

— Фу-эр, мы едва отъехали от дворца, сейчас развернуться будет легко.

Нин Фу тут же притихла, не смея больше дразнить брата.

— Хорошо, хорошо, молчу. Ты приехал только присмотреть за мной.

Нин Цзэ промолчал.

Когда карета остановилась у ворот полигона, было еще рано. Как только они показались, их встретили подчиненные Нин Цзэ. Нин Фу послушно следовала за братом, но, оказавшись в глубине лагеря, невольно остановилась, привлеченная видом железных клеток.

Их было около двадцати. Внутри, в тени, что-то чернело. Нин Фу прищурилась, пытаясь понять, что там. Может, дикие звери? Отец часто привозил добычу с охоты.

В этот момент вперед вышел воин в доспехах. Он нес ведро, подошел к одной из клеток и открыл замок. Нин Фу, не отрываясь, смотрела, как он грубо дернул кого-то за руку, и из глубины клетки показалось сгорбленное человеческое тело.

Это люди... Нин Фу в ужасе спряталась за спину брата.

Офицер, заметив это, поспешил объяснить:

— Принцесса, не пугайтесь. Это рабы из Наньюэ, они еще не укрощены, в них всё еще теплится дикость их племен. Но через несколько дней, после пары уроков и наказаний, никто из них не посмеет бунтовать.

Нин Цзэ бросил на подчиненного недовольный взгляд, и тот прикусил язык. Но Нин Фу уже спросила:

— Дикость? Но они же даже пошевелиться не могут от голода.

Офицер, поколебавшись, ответил:

— Они очень шумели, три дня без еды пошли им на пользу.

— Что? — Нин Фу нахмурилась.

Под палящим солнцем, в раскаленных клетках... Они были в худшем состоянии, чем любая дичь, которую добывал отец. А ведь они — люди...

Нин Фу хотела что-то сказать, но вдруг раздался душераздирающий вопль. Солдат, открывавший клетку, лежал на земле, его руки были в крови. А мужчина из Наньюэ, медленно выпрямившийся в клетке, смотрел прямо на Нин Фу.

Её сердце сжалось. Хотя она и не видела его лица, ненависть в его глазах была ощутима даже на расстоянии. Офицер, разозлившись, выхватил меч и бросился к клетке:

— Псина! Ты, тварь, еще смеешь кусаться?! Ты хоть знаешь, перед кем ты стоишь?!

Мужчина даже не шелохнулся. Нин Фу, забыв об осторожности, бросилась вперед, Нин Цзэ не успел её удержать.

Когда она подошла ближе, то увидела, что раб весь покрыт засохшей коркой крови. Офицер, не зная, что принцесса позади, со всей силой вонзил меч в плечо пленника.

Нин Фу замерла. Она, привыкшая к жизни в тепличных условиях, никогда не видела такой жестокости. Пленник, закусив губу, молчал, а кровь текла, не переставая.

— Чэнь Цзюэ, остановись! — Нин Цзэ бросился вперед и заслонил собой обзор, не давая сестре видеть это.

— ...Есть! — Чэнь Цзюэ, увидев бледную принцессу и гневный взгляд принца, поспешно выдернул меч, даже не думая о том, что пленник может умереть от потери крови.

Нин Фу, с трудом дыша, попыталась отодвинуть руку брата. Взглянув в ту сторону, она встретила взглядом с яркими, холодными глазами, полными ненависти.

Раб едва заметно усмехнулся. В этой улыбке не было ничего доброго.

<http://bllate.org/book/21012/2136228>